

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 154–162

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 154–162

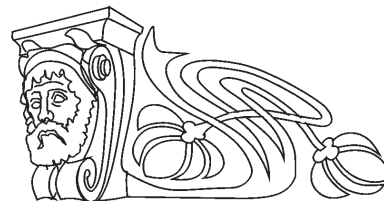
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-154-162>, EDN: XGHNKE

Научная статья

УДК 316.6

Историческая память немцев о плене в СССР: опыт качественного анализа немецких интернет-ресурсов

И. А. Юрасов^{1,2,3}✉, В. А. Юдина¹, М. А. Танина¹, О. А. Зябликова¹, О. Н. Юрасова²

¹Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, 440052, г. Пенза, ул. Калинина, д. 33Б

²Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

³Институт регионального развития Пензенской области, Россия, 440046, г. Пенза, ул. Попова, д. 40

Юрасов Игорь Алексеевич, доктор социологических наук, доцент, ¹профессор кафедры менеджмента информатики и общегуманитарных наук; ²профессор кафедры «Менеджмент и государственное управление»; ³директор Центра мониторинга социальных процессов, jurassow@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>

Юдина Вера Александровна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, vayudina@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9835-9430>

Танина Мария Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента информатики и общегуманитарных наук, margo10@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7311-6280>

Зябликова Ольга Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента информатики и общегуманитарных наук, has18068881@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1624-0071>

Юрасова Ольга Николаевна, старший преподаватель кафедры «Английский язык», ol.iurasova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2186-7051>

Аннотация. Историческая память народа играет большую роль в его осмыслении прошлого и настоящего, напрямую влияет на рецепцию современных событий. Российская Федерация, весь российский народ, столкнувшись с небывалым шквалом открытой русофобии на Западе, с попытками отменить во всем мире русскую культуру, недоумевают, как это стало возможным в начале XXI в., в демократических странах, которые на протяжении многих лет гордились своей толерантностью, терпимостью к другому мнению, демократическим управлением. Ответить на этот вопрос поможет качественный социологический анализ исторической памяти современных жителей Германии, Австрии, специфика которой показывает, что подобные русофобские идеи были свойственны большинству немцев. В работе использована методика качественного социологического исследования, контент-анализа немецких комментариев к фильмам производства ФРГ, Австрии, посвященных анализу положения и судьбы немецких военнопленных, возвратившихся обратно на Родину в 1955–1956 гг. Авторы приходят к выводу, что немецкой исторической памяти свойственны полное игнорирование причинно-следственных связей, высокий эмоциональный накал воспоминаний, выразившийся в негативных эмоциях: сожалении, сочувствии немецким военнопленным независимо от степени их виновности, игнорировании ошибок и просчетов немецко-фашистского руководства во время войны, особенно во время Сталинградской битвы. В комментариях немецкие пользователи сети Интернет подчеркивали страдания военнопленных, их моральные, личные травмы, трудности адаптации в обществе ФРГ. Советский плен немецкое историческое сознание однозначно рассматривает как крупную катастрофу, принесшую горе и страдание невиновным людям, оказавшимся в зависимости от жестоких, мстительных варваров. Перед Российским государством и гражданским обществом встает задача возможной корректировки немецкой исторической памяти, перевода на немецкий язык советских документальных фильмов, обнаружение исторических источников, доказывающих геноцид советского народа в годы Второй мировой войны, размещения их в доступных немецкому населению социальных сетях и видео-хостингах. На основании социологических данных авторского анализа немецкой исторической памяти необходимо корректировать российскую внешнюю политику, а также вносить изменения в российскую политику образования и воспитания российского подрастающего поколения.

Ключевые слова: историческая память, качественный социологический анализ, контент-анализ, тематический анализ, нарративный анализ, социальный контекст

Для цитирования: Юрасов И. А., Юдина В. А., Танина М. А., Зябликова О. А., Юрасова О. Н. Историческая память немцев о плене в СССР: опыт качественного анализа немецких интернет-ресурсов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 154–162. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-154-162>, EDN: XGHNKE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Germans' historical memory on the captivity in the USSR: Experience of qualitative analysis of German Internet resources

I. A. Yurasov^{1,2,3}✉, V. A. Yudina¹, M. A. Tanina¹, O. A. Zyablikova¹, O. N. Yurasova²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Penza branch, 33B Kalinina St., Penza 440052, Russia

²Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

³Institute for Regional Development of the Penza Region, 40 Popova St., Penza 440046, Russia

Igor A. Yurasov, jurassow@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>

Vera A. Yudina, vayudina@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9835-9430>

Maria A. Tanina, margo10@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7311-6280>

Olga A. Zyablikova, has18068881@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1624-0071>

Olga N. Yurasova, ol.iurasova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2186-7051>

Abstract. The historical memory of a people plays a big role in their understanding of the past and present, and directly affects their perception of modern events. The Russian Federation, the entire Russian people, faced with an unprecedented barrage of open Russophobia in the West, with the attempts to abolish Russian culture throughout the world, are perplexed as to how this became possible at the beginning of the 21st century, in democratic countries that for many years were proud of their tolerance to other opinions and democratic governance. A qualitative sociological analysis of the historical memory of modern residents of Germany and Austria will help to answer this question, the specifics of which show that such Russophobic ideas were characteristic of the majority of Germans. The work uses the methodology of qualitative sociological research, content analysis of German comments to the films produced in Germany and Austria which are devoted to the analysis of the situation and fate of German prisoners of war who returned to their homeland in 1955–1956. The authors come to the conclusion that German historical memory is characterized by a complete disregard for cause-and-effect relationships, a high emotional intensity of memories, expressed in negative emotions: regret, sympathy for German prisoners of war, regardless of the degree of their guilt, ignoring the mistakes and miscalculations of the Nazi leadership during the war, especially during the Battle of Stalingrad. In the comments, German Internet users emphasized the sufferings of the prisoners of war, their moral and personal trauma and the difficulties of adapting to German society. The German historical consciousness clearly views Soviet captivity as a major catastrophe that brought grief and suffering to innocent people who found themselves dependent on cruel, vengeful barbarians. The Russian state and civil society are faced with the task of possibly correcting German historical memory, translating Soviet documentaries into German, publishing historical sources proving the genocide of the Soviet people during World War II, posting them on social networks and video hosting sites accessible to the Germans. The sociological data of the author's analysis of German historical memory proves that it is necessary to adjust Russian foreign policy, education and upbringing of the Russian younger generation to this reality, as well as to make changes in the Russian foreign policy.

Keywords: historical memory, qualitative sociological analysis, content analysis, thematic analysis, narrative analysis, social context

For citation: Yurasov I. A., Yudina V. A., Tanina M. A., Zyablikova O. A., Yurasova O. N. Germans' historical memory on the captivity in the USSR: Experience of qualitative analysis of German Internet resources. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politics*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 154–162 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-154-162>, EDN: XGHKZE

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

19 ноября 2017 г., российский старшеклассник Николай Десятниченко из Нового Уренгоя с трибуны Бундестага публично рассказал о страданиях немецких военнопленных в советском плену, окруженных в так называемом Сталинградском котле, дав этому факту эмоциональную оценку как о страданиях невинных и несчастных людей, которые хотели жить мирно и не хотели воевать. После этого возникла дискуссия в интернете. Небольшое количество пользователей были с ним солидарны. Большинство обвинили его в односторонней и предвзятой интерпретации события, в незнании истории и причинно-следственных связей в истории. Российских социологов, философов, культурологов тема исторической памяти наших противников во Второй мировой войне практически или полностью не интересовала.

Лишь некоторые публицисты, журналисты осторожно намекали на то, что немцы не благодарны советскому народу за освобождение их от национал-социализма, что в немецком обществе начинается осторожная реабилитация нацизма, осторожный призыв к пересмотру результатов Второй мировой войны, ренессанс тем «изгнанных», «беженцев», обеление действий немецкой армии на восточном фронте, протаскивание в мировое информационное пространство мифа о «миллионах изнасилованных немцев» и т.п.

С особой силой это стало эксплуатироваться после начала Российской Федерацией специальной военной операции на Украине. Русскоязычные граждане Германии, Австрии столкнулись со шквалом русофобии и ненависти к русским, к русскому языку и русской

культуре. Но все ведущие и глубинные социокультурные мировые процессы не начинаются случайно и внезапно. Особенно важен в анализе мировых процессов во внешней политике социологический анализ исторической памяти различных реперных социальных групп, наций и этносов. Исследование и анализ исторической памяти немцев, их информационной политики в области оценки результатов Второй мировой войны, качественный социологический анализ исторических травм немецкого народа поможет Российской Федерации по-новому и на более высоком уровне и эффективнее строить свою внешнюю политику, формировать информационную повестку дня в мире. С учетом общих особенностей формирования и функционирования исторической памяти необходимо сформировать новые мероприятия и шаги в национальной образовательной и воспитательной политике.

Анализ и управление исторической памятью конкретного народа становятся важными аспектами государственного строительства, развития в современном мире и важным моментом разработки исторической политики современных государств. С помощью управления исторической памяти возможно менять вектор развития стран, мировую политику, создавая государственно ориентированные или диссидентско-оппозиционные типы личностей в стране.

Социальные технологии управления исторической памятью помогают избежать политической радикализации общества, эффективно манипулировать общественным мнением, направлять информационные ресурсы государства на формирование позитивной государственно ориентированной личности. Основой формирования этого типа личности должно стать исследование и управление исторической памятью. Анализируя модели исторической памяти конкретного народа, социальной группы, любое государство формирует позитивную символическую политику с опорой на позитивные смыслы национальной истории, выявляет «политическое зло» и «политическое добро», на основании чего возможно создавать непрерывную позитивную историю, базирующуюся на объективных исторических оценках и обеспечивающую исторический суверенитет любого государства.

В современной зарубежной и отечественной гуманитаристике нет четкого определения

понятия «историческая память». Рассмотрим наиболее типичные, на наш взгляд, определения. Например, С. Ю. Анисимова четко разводит историческое знание и память, определяя при этом историческую память как то, что «запомнилось, помнится...» [1, с. 11].

М. Ф. Румянцева, отождествляя историю и историческую память, подчеркивает, что память – это объективное и точное отражение прошлого [2, с. 43]. По мнению В. В. Касьянова, «историческая память характеризуется как устойчивая система представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании...» [3, с. 55]. С точки зрения И. В. Купцова, «историческая память, по сути дела, является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания» [4, с. 161].

Е. П. Белинская и Д. К. Франтова пишут: «...историческая память означает, что определенная группа сохраняет присутствующие в ее сознании и в культурных памятниках воспоминания о некоторых явлениях и событиях, которые являются носителями ее идентичности и ее судьбы» [5, с. 25].

Вышеперечисленные определения исторической памяти представлены в методологическом поле парадигм классического знания.

Концепт исторической памяти стал разрабатываться в трудах М. Хальбвакса в 20-е гг. XX в. [6, с. 34]. В русле его идей проходил анализ исторической памяти в работах В. А. Ачкасова [7, с. 115], В. Болибера [8], О. Ю. Малиновой [9, с. 12], М. Найдорф [10, с. 11], М. А. Таниной [11, с. 25] и др.

Согласно современным социально-философским, социологическим, социально-психологическим, семиотическим, политологическим трактовкам историческая память представляет собой общепринятые представления о прошлом, разделяемые большинством населения. Являясь основой формирования идентичностей социальных и политических сообществ, она организует современные социальные представления о прошлом, социально разделяемые знания об истории страны, рода, семейного клана. Согласно современным теоретико-методологическим воззрениям на историческую память, прошлое служит строительным материалом для конструирования разных

типов социальных, политических идентичностей, однако особое значение оно имеет для воображения наций.

Историческая память – это особый способ конструирования социумами своего прошлого, основанного на субъективно интерпретируемых и ценностно маркируемых рефлексиях ключевых для данного социума событий прошлого. Историческая память представляет собой набор передаваемых из поколения в поколение исторических нарративов, субъективно переломленных рефлексией о событиях прошлого. Она складывается из отдельных образов индивидуальной памяти, разделяемых всеми или большинством членов сообщества. И существуют такие моменты, когда индивидуальная человеческая память может органично вписываться в коллективную историческую память, а может ей противоречить. Примерами этого служат различные семантические виды моделей исторической памяти о 90-х гг. XX в. в истории Российской Федерации, когда один и тот же период трактуется как «лихие 90-е» и «святые, благословенные 90-е», а также историческая память немцев о советском плене, депортациях их в Польшу, Чехословакию, Калининградскую область (бывшую Восточную Пруссию).

Историческая коллективная память народа представляет собой языковые репрезентации и интерпретации образов прошлого. Коллективная историческая память метафорична [12, с. 591]. Для формирования и существования моделей исторической памяти каждого конкретного общества важен социальный контекст бытования воспоминаний, коллективно разделяемые языковые репрезентации прошлого [13, с. 94].

Важным аспектом формирования моделей исторической памяти в социумах является историзация событий прошлого. Историзация – это переход исторической вещи, события, личности из актуального реального состояние в исторический образ. Исторический образ подвергается изменениям во времени. Он складывается из-за трансформации восприятия и интерпретации конкретных исторических предметов, личностей или явлений [14, с. 67]. Историзация прошлого зависит от специфики концептосферы общества и социальной группы (семьи), которая является формой существования менталитета. Лингвистическая концептосфера каждого конкретного общества формируется в лингвистических концеп-

тах типа: «свой/чужой», «семья», «богатство», «любовь», «истина», «труд» и т. д. И различная их интерпретация создает конкретный фокус восприятия, оценки и интериоризации конкретных исторических событий, личностей.

Особенно семантически сильна историческая память об антропогенных катастрофах, потрясающих общество. Память об исторических катастрофах вызывает специфический социальный процесс, травматизацию общества. Историческую травму в этом случае испытывают и жертвы, и палачи. В ходе возникновения исторической травмы возникают коллективная вина и коллективная ответственность социума, или же историческая память народа игнорирует некоторые травматические моменты национальной истории [6, 11, 13].

Эти антропогенные катастрофы, исторические травмы вызывают проблемы идентификации, межпоколенческие конфликты. Травматическая реальность и травматический нарратив вызывают страх и архаизацию в обществе, социальную беспомощность, когда люди, испытывая влияние исторической травмы, часто отказываются от социальной конкуренции, борьбы или же не желают видеть четкие причинно-следственные связи между историческими событиями. При факте исторической травмы, как это случилось с немецким народом, происходит нарушение способности видеть причинно-следственные связи в истории, возникает желание сфальсифицировать реальное положение дел, формируется отказ реалистически интерпретировать исторические факты. Историческая травма изменяет правдивость воспоминания, когда в памяти сохраняются ключевые моменты, а другие отфильтровываются. Затем воспоминание снова реконструируется. После реконструкции всплывают чувства и эмоции, которые возникли позже, и они наслаиваются на историческую память. Пробелы в памяти заполняются нарративно, с помощью рассказов, и порождают смысл, соответствующий актуальной ситуации [6, 10, 12, 14].

На формирование исторической памяти оказывают влияние: феномен ложных воспоминаний, который представляет собой избирательную форму воспоминания и забывания; феномен сверхобобщения; феномен волюнтаристского устранения неясностей и противоречий в памяти.

С ложными воспоминаниями коррелирует феномен «повышенной плотности» воспомин-

наний детства и молодости, который объясняет наличие наибольшего объема воспоминаний из самого комфортного времени жизни человека. Так как в этом возрасте многие события переживаются впервые, данная фаза совпадает с фазой развития автобиографической памяти, а переживания определяют будущую жизнь субъекта. Художественная визуальная и аудиальная репрезентации конкретных исторических моментов этих событий только семантически их укрепляет в языковых моделях исторической памяти [6, 11,13].

В настоящем исследовании использована методика качественного социологического исследования, контент-анализа немецких комментариев к фильмам производства ФРГ, Австрии, посвященных анализу положения и судьбы немецких военнопленных, возвратившихся на Родину в 1955–1956 гг. Качественному социологическому исследованию и контент-анализу комментариев было подвергнуто шесть фильмов, представленных на видео-хостинге www.youtube.com, общим количеством просмотров 1 512 046 и 3522 комментариев к ним. Конкретно были проанализированы содержание фильмов и комментарии к ним: «Когда отцы вернулись домой» (опубликован 13 мая 2022 г., 617 977 просмотров и 1361 комментарий), «1955 – Возвращение десятков тысяч» (опубликован 10 декабря 2018 г., 700 553 просмотров и 2136 комментариев), «1955 – возвращение с войны» (опубликован 2 марта 2017 г., 203 963 просмотров, комментарии отключены), «Военнопленные возвращаются домой из Москвы, недельное обозрение, октябрь 1955 г.» (опубликован 27 февраля 2017 г., 1891 просмотр, комментарии отключены), «История на ЦДФ (второй немецкий федеральный канал). Возвращение домой десятков тысяч» (опубликован 12 октября 2015 г., 45 020 просмотров и 47 комментариев), «Жизнь беженцев после Второй мировой войны» (опубликован 7 января 2012 г., 420 122 просмотров и 788 комментариев).

В ходе качественного исследования был проведен контент-анализ содержания фильмов и комментариев. Были маркированы и выделены основные темы, проведен тематический анализ путем разбивки информации на группировки, путем объединения обособленных суждений и цитат в единое тематическое смысловое целое [15, с. 65]. В результате были выявлены описательные, кратко пересказывающие содержание, и интерпретационные коды, основанные

на трактовке содержания, и сделано аналитическое описание на основе анализа нарративов, личностного критического суждения. В качестве единицы анализа были выбраны ключевые слова, фразы с денотативной и коннотативной семантикой, выделен социальный контекст – возвращение немецких военнопленных из СССР осенью 1955 и 1956 гг. Произведены осевое кодирование путем отбора идей и ключевых понятий и выборочное – путем определения тем и подтем; выявлены основные денотативные и коннотативные символы: «русские варвары», «русское ярмо», «русский гнет», «катастрофа», «страдания», «лишение», «горе» «печаль по погибшим и невернувшимся», «эмоциональные и моральные травмы военнопленных» и др.

Для анализа результатов исследования была использована теория взаимодействия СМИ и общества. Исследователи остановились на позиции, что существует три точки зрения в изучении влияния средств массовой информации на аудиторию:

1) СМИ обладают неограниченным потенциалом воздействия на аудиторию, транслируемые образы не критически принимаются индивидами;

2) воздействие СМИ на аудиторию опосредовано референтными группами и биографически детерминированной ситуацией индивида, роль СМИ в определении реальности слабо поддается изучению;

3) СМИ определяют значимость повседневных событий – не столько что думать, сколько о чем, т.е. СМИ задают «вектор» интерпретаций, а не сами интерпретации.

Выводы из исследования делались на основе второй точки зрения, согласно которой воздействие на аудиторию опосредовано социокультурными особенностями референтной группы.

Для немцев поражение во Второй мировой войне, оккупация и плен военнослужащих, без сомнения, стали крупной исторической травмой, которую они не смогли преодолеть и пережить до сих пор.

Объективной исторической канвой исследования исторической памяти о возвращении немецких военнопленных из советского плена являются следующие факты: большинство немецких граждан Третьего рейха были вынуждены уехать с территорий современной Калининградской области, территорий Польши, Чехии, Словакии, что ими крайне травматично

переживалось; большинство немецких мужчин оказались в советском плену и плену союзников; американцы, англичане, французы не проводили фильтрационных мероприятий, что позволило многочисленным военным преступникам избежать наказания; союзники начали отпускать немецких военнопленных начиная с лета 1946 г.; для большинства немецких военнослужащих было большой удачей попасть в американский, английский, французский плен; в 1955–1956 гг. после переговоров с федеральным канцлером ФРГ К. Аденауэром были возвращены все остальные пленные, замешанные в военных преступлениях; последними в 1956 г. были отпущены служащие в войсках СС.

Основными семантическими маркерами исторической памяти граждан Германии и Австрии о советском плене стали следующие темы: страдания немецкого народа, требования сочувствия к страданиям военнопленных; моральные травмы, выразившиеся в распаде семей (многие женщины не дождалась своих мужей, вышли замуж еще раз); моральные травмы, которые привели к алкоголизму бывших военнопленных; нежелание бывших военнопленных говорить и вспоминать о годах плена; напрасные ожидания погибших на поле боя и в плену; восхищение немецким духом, стойкостью; горе от потерь близких, материальные проблемы (бедность, голод, лишения немецкого народа); страдание родственников и близких от военных травм военнопленных; счастье пребывания в американском плену; жестокость русского плена и русских; благодарность русским (крайне мало), откровенная ненависть к русским; рухнувшие надежды семей погибших и невернувшихся; историческая вина немцев перед русскими (крайне мало); заслуги Аденауэра, сравнение с ним современных слабых немецких политиков.

Типичные комментарии по теме страдания немецкого народа.

«И многие до сих пор ждут. Мой дедушка пропал без вести. Мой отец начинал всегда плакать, когда говорили о моем дедушке. Я сейчас числюсь родственником в реестре пропавших без вести в Берлине. Я в надежде что-нибудь узнать о его судьбе».

«Действительно отличное видео. Я могу вспомнить многое. Мой отец тоже был в плену и вернулся только после окончания войны. Мы долго страдали от военного опыта моих родителей. Иногда мои родители вели себя странно,

и я не мог с этим справиться. Катастрофа, которая продолжала оказывать влияние в течение длительного времени».

Типичные комментарии, отражающие тему сочувствия к страданиям военнопленных.

«Да, мы, немцы, тоже пострадали, никто не должен забывать об этом».

«Никто и не радуется. Хотя надо бы иметь чуточку сочувствия. Если ты сам попадешь в плен, с пытками, лишением пищи, тогда вдруг весь мир станет несправедливым. И откуда? До плена? Если бы Германия выиграла войну? Но если ты сам попадешь в плен...»

Типичные комментарии, выражающие гордость своими предками, их поведением на фронте и в плену.

«Трогательно и грустно одновременно, если учесть, что из примерно 300 000 военнопленных вернулось только 10 000. Вызывает восхищение сплоченность, дух товарищества и любовь, которые существовали в семьях в то время. Пусть никогда больше не будет войны!»

«Я встретил ветерана Сталинграда, когда был солдатом в Западной Германии того времени в 1981 г., он был очень гордым человеком с большим достоинством, он также был военнопленным и вернулся в 1953 г. Я был очень впечатлен этим. Храбрец».

«Уважение ко всем солдатам, сражавшимся за отечество и погибшим, все они легенды в моих глазах. Этих людей нужно уважать за их действия, а не называть “нацистами” или оскорблять».

Типичные комментарии на тему бедности, лишений и вредных привычек.

«Когда смотришь на эти кадры, многое вспоминаешь. Мой дедушка тоже поздно вернулся. Бабушка была одна с детьми до начала 50-х гг. Каждый день был борьбой за выживание для заключенных и тех, кто был здесь. В моей памяти он был действительно сломленным человеком, к тому же пристрастившимся к алкоголю, чтобы иметь возможность спать. Он страдал манией преследования и несколько раз подряд находился в психиатрических учреждениях. Тем не менее, он был любящим и веселым дедушкой, а потом еще и прадедом, и я вспоминаю его с любовью. Он был не очень старым, когда умер в 71 год».

«Мой тесть тоже был одним из тех, кто вернулся в 1955 г. Жена ждала его 10 лет, и тогда он впервые увидел свою дочь. Моя свекровь рассказывала мне, до войны и плена он был очень

веселым человеком, который не курил и не пил. Вернувшись, он стал заядлым курильщиком и алкоголиком, избивал жену и детей, которые родились позже. Он был сломленным человеком. Он также никогда не рассказывал о времени в плену. Должно быть, это было ужасно.

Типичные русофобские комментарии, подтема – немотивированная жестокость русских.

«Моему дедушке повезло. Вернулся домой в 1948 г. Вплоть до своей смерти в 2003 г. он ни слова хорошего не сказал о русских».

«Никогда не забывайте, что сделали наши “освободители”. Советский плен был бесчеловечнее всей войны!»

«В память о моей тете Сали, которой приходилось многие годы загружать подводы углем в русских шахтах. Для нее плен не закончился до самой смерти, потому что она перенесла от него тяжелые физические страдания».

Типичные комментарии с благодарностью русским за поддержку в плену.

«Моему дедушке пришлось уйти на восточный фронт, когда ему было 17 лет, а потом он попал в плен. Я был слишком молод, чтобы по-настоящему понимать эти истории. Мой дедушка был алкоголиком всю свою жизнь, и я думаю, что он выпивал только потому, что так и не оправился от этого. Мой отец рассказывал мне, что дед всегда хорошо говорил о русских гражданских лицах, которые тайно подсовывали им еду, когда у них самих было немного. По материнской линии моя прабабушка говорила то же самое об американцах. В то время ей было 8 лет, со своей бабушкой (прадедушка пропал на западном фронте во время войны) они тайно спрятали в лесу козу, чтобы у них было молоко. Американские солдаты намеренно игнорировали козу. Еще мне тайком подсовывали продуктовые посылки. Я очень благодарен, что моим бабушке и дедушке помог “враг”. Моей семье помогли там, где они больше всего нуждались, и я очень благодарен за это».

«Благодаря русскому великодушию мой прадед вернулся с Урала. Мы до сих пор очень благодарны русским за это».

Типичные комментарии с признанием ошибок Германии, четким видением причин плена.

«Моему дедушке посчастливилось вернуться домой из СССР на несколько лет раньше. К счастью, вскоре после этого он записал свои переживания. И меня радует, что он понял, что служил преступному режиму».

«Многие снова забывают, почему эти убийцы оказались в лагере».

«Не следует забывать, почему эти люди были заключенными. Но я знаю, почему этот пост появится именно сейчас. Очевидно сейчас стоит задача снова настроить против русских».

«Но у этого ужаса есть причина. Сколько русских женщин погибло на немецких принудительных работах и в условиях принудительного труда на заводах Флик, Крупп и Феникс и других промышленных предприятиях?»

Рамки статьи не позволяют подробно привести все смысловые нюансы, отражающие специфику немецкой исторической памяти. Сводные данные контент-анализа приведены в таблице.

Проведенные качественные социологические исследования позволяют сделать вывод о том, что советский плен действительно стал серьезной исторической травмой для немецкого народа. Травматичность усугубилась типичной европейской русофобией, которую можно сформулировать следующим образом: «Странно и непонятно, как мы, представители “высшей расы” оказались в плену у отсталых варваров». Плен у американских, английских союзников немецким историческим сознанием не воспринимался как трагедия, более того, многочисленные комментарии и исторические факты говорят о том, что в конце войны многие немецкие военные предпочитали сдаваться в плен именно западным союзникам. Историческая память о советском плене содержательно избирательна в плане «воспоминания» и «забывания». Немцы предпочитают забывать тяжелые, эмоционально травматичные моменты пребывания своих близких в плену, таким образом, происходит почти полное стирание причинно-следственных связей. Некоторые граждане в своих комментариях гордятся мужеством и стойкостью солдат и офицеров вермахта и СС как на фронте, так и в советском плену. Немцы ставят исключительно в заслугу К. Аденауэру освобождение своих военнопленных в 1955–1956 гг., не видя и не замечая миротворческих усилий со стороны СССР, не реагируя на само исходное содержание фильмов, в которых вскользь упоминается исторический факт, что освобождение немецких военнопленных было уже решенным делом с советской стороны и что не требовалось особых усилий со стороны ФРГ. Кроме того, в немецких комментариях крайне ограничено представлена объективная точка зрения,

Сводный смысловой контент-анализ по темам и подтемам

Единицы анализа	Индикаторы оценки	Всего
Количество нарративов		3522
Характер сообщения	1. Эмоционально негативно окрашенное высказывание. Базовые эмоции: грусть, сострадание военнопленным и их семьям, сочувствие, катастрофа немецкого народа. 2. Отрицательная оценка денотативного и коннотативного содержания нарратива. 3. Гордость за немецких военнопленных. 4. Неопределенный	3489 7 12 14
Упоминания о причинах плена немецких солдат в СССР	Нет четких причинно-следственных связей. Судьба, рок. Фашистская идеология, жестокость самих немецких военных, воздаяние за содеянное на территории бывшего СССР	3515
Упоминания о страданиях немецких военнопленных в СССР	Тяжелый труд, голод	3489
Качественная оценка условий содержания военнопленных в СССР	1. Положительная: всем было тяжело материально, лишения советского народа, но на этом фоне сильная помощь немецким военнопленным. 2. Отрицательная с оттенком русофобии. Бездоказательное обвинения русских в жестокости	6 11
Верность немецких женщин, которые дождались своих мужей. Описание оригинальных семейных историй	Гордость, восхищение, сочувствие	54
Качественная оценка деятельности федерального канцлера ФРГ К. Аденауэра по возвращению немецких военнопленных в 1955–1956 гг.	Высокое признание заслуг. Восхищение, гордость. Негативное сравнение с сегодняшними немецким политиками	89
Качественная оценка деятельности советского руководства по его участию в возвращении немецких военнопленных	Не видят роли СССР и заслуг советского руководства	0
Качественная оценка отношения советского народа к немецким военнопленным	Продуктовая помощь граждан СССР немецким военнопленным, несмотря на то, что самим есть было практически нечего	8
Качественная оценка современными немцами потерь в советском плену	Очень многие погибли, не вернулись	3487
Качественная оценка религиозного контекста в деле возвращении немецких военнопленных	Благодарность Богу за жизнь, за возвращение	988
Качественная оценка немцами деятельности США, Англии, Франции в области содержания немецких военнопленных на оккупированных территориях	Плен у союзников СССР был короче и легче	37
Моральные травмы немецких военнопленных, вернувшихся домой	Потеря профессии, алкоголизм, курение, болезни, потеря семьи, предательство жены, невозможность адаптироваться в современных социально-экономических условиях	2387
Нежелание бывших военнопленных, их родственников говорить о войне и временах плена	Замалчивание из-за того, что воспоминания связаны с тяжелыми эмоциональными переживаниями и потрясениями	2837

что освобождение из плена началось с конца 40-х гг. XX в. Анализируемая историческая память о советском плене сильно эмоционально окрашена в негативные тона. Современные немцы не видят никакой причинно-следственной связи с пленом и воздаяниями за военные преступления.

Список литературы

1. Анисимова С. Ю. Еще раз о проблеме концептуализации исторической памяти // Аспирантский вестник Поволжья. 2022. Т. 22, № 3. С. 11–16. <https://doi.org/10.55531/2072-2354.2022.22.3.11-16>, EDN: AHDASY
2. Румянцев М. Ф. Историческое знание и историческая память в структуре исторической культуры // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 41–54. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30830>
3. Касьянов В. В., Чупрынников С. А. Историческая память, социальная память: диалектика взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. Вып. 4 (269). С. 54–61.
4. Купцова И. В., Сидоров А. В., Фоменко М. В. Историческая память о войнах XX века в структуре государственной политики памяти // КЛИО. 2023. № 11 (203). С. 159–165. https://doi.org/10.51676/2070-9773_2023_11_159
5. Белинская Е. П., Франтова Д. К. Активность в виртуальном взаимодействии как фактор конструирования идентичности пользователями социальных сетей: межпоколенные различия // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2017. № 3. С. 22–27.
6. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
7. Ачкасов В. А. «Политика памяти» как инструмент конструирования постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 4 (69). С. 106–123.
8. Болибер В. Воспоминание и историзация: трансформация индивидуальной и коллективной травмы и ее межпоколенческая передача // Журнал практической психологии и психоанализа. 2010. № 4. URL: <https://psyjournal.ru/articles/vospominanie-i-istorizaciya-transformaciya-individualnoy-i-kollektivnoy-travmy-i-ee> (дата обращения: 27.02.2024)
9. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4 (87). С. 6–22.
10. Найдорф М. Историзация, или Производство прошлого (к культурологии времени) // Вопросы культурологии. 2012. № 3. С. 11–15. EDN: PDXWTH
11. Танина М. А., Юрасов И. А., Юдина В. А. Теоретико-методологические аспекты анализа исторической памяти // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 7 (87). С. 24–27. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.7.3>
12. Капитонова Т. А., Белокрылова В. А., Никитина Ю. Ф. Исследование исторической памяти: динамика индивидуального и коллективного начал // Материалы Международной научной конференции и X научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии» (Минск, 17–18 мая 2016 г.): в 2 ч. Ч. 2. Минск: БГУ, 2016. С. 591–594.
13. Танина М. А., Юрасов И. А., Юдина В. А., Юрасова О. Н., Пензина Д. П. Историческая память молодежи в России. Пенза: Изд-во ПГУ, 2022. 132 с.
14. Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт Петербурге, 2019. 220 с.
15. Леонов А. К. Анализ социологических данных (качественная парадигма): учеб. пособие. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2019. 137 с.

Поступила в редакцию 10.02.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 07.03.2024
The article was submitted 10.02.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 07.03.2024